

РОЛЬ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Лухманова З. Т.

Институт изучения проблем молодежи и подготовки перспективных кадров при Агентстве по делам молодежи
Республики Узбекистан
E-mail: ztlukhmanova@gmail.com

В данной статье предлагаются подходы к управлению политической стабильностью государства посредством использования характера и направления взаимосвязей между молодежной политикой и различными типами политических режимов. Под молодежной политикой понимается система мер государства, направленная на поддержание и развитие молодежи. В этой связи в целях измерения молодежной политики был взят Индекс развития молодежи (The Commonwealth Youth Development Index 2013/ Global Youth Development Index 2016) 2013, 2016 гг. Под политической стабильностью понимаются изменения в политической системе, которые измеряются посредством индикаторов политической нестабильности, в частности таких, как политические убийства, политические забастовки, повстанческие действия, правительственные кризисы, чистки (репрессии), массовые беспорядки, революции и антиправительственные демонстрации. Для измерения стабильности используются данные The Cross National Time Series (CNTS). Для разделения государств по типам политических режимов использованы показатели Polity IV, в частности чистые демократии, гибридные демократии и автократии. В целом в выборку вошли 153 государства. В данном исследовании был проведен анализ роли влияния молодежной политики на стабильность разных политических режимов. Анализ показал, что между молодежной политикой и уровнем стабильности в различных политических режимах существует нелинейная связь.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, стабильность, «молодежный бугор», Индекс развития молодежи, уровень благосостояния, политический режим, чистые демократии, гибридные демократии и автократии

DOI: 10.32324/2412-8945-2021-2-96-104

THE ROLE OF YOUTH POLICY IN STABILIZATION OF POLITICAL REGIMES

Lukhmanova Z. T.

The Institute for Research of the Youth Problems and Training Prospective Personnel under the Agency of Youth Affairs
of the Republic of Uzbekistan
E-mail: ztlukhmanova@gmail.com

In this article, the author analyzes the relationship between youth policy and stability in various political regimes. Today, the world's population is growing, and the main cohort is occupied by young people. In this regard, they are both a positive resource and a negative. According to the research, the propensity of young people to terrorist and protest activity is due to the fact that the state is not able to meet the needs of young people. In particular, the youth policy is understood as a system of measures of the state aimed at the maintenance and development of youth. In this regard, the Commonwealth Youth Development Index 2013 and Global Youth Development Index 2016 was used to measure youth policy in 2013, 2016. Political stability refers to changes in the political system that are measured by indicators of political instability, such as terrorism and guerrilla warfare, assassinations, revolutions, riots, purges, major government crises, anti-government demonstrations, general strikes. The Cross National Time Series (CNTS) data is used to measure stability. The Polity IV indicators, in particular pure democracies, hybrid democracies, and autocracies, were used to divide states by types of political regimes. In total, the sample included 153 States. In this study, the role of the influence of youth policy on the stability of different political regimes was analyzed. The analysis showed that there is a non-linear relationship between youth policy and the level of stability in different political regimes.

Keywords: Youth, youth policy, stability, “youth bugle”, Youth Development Index, The Commonwealth, political regime, pure democracies, hybrid democracies and autocracies

DOI: 10.32324/2412-8945-2021-2-96-104

Введение

Исследования, направленные на изучение развития социальных систем, показывают, что «арабская весна» (2011—2013) характеризуется значительным количеством различных политических и социальных потрясений. Одним из основ-

ных факторов политической нестабильности, проявившейся в недавнем прошлом, выступила чрезмерно высокая доля молодежи в возрастной структуре населения, или, как в своих исследованиях отмечает Дж. Голдстоун, «молодежный бугор» [18—20 ; 38].

По прогнозам Организации Объединенных Наций, население мира к 2055 г. достигнет

11 млрд (сегодня оно составляет около 8 млрд). При этом 95 % роста народонаселения ожидается в странах с низким и средним уровнем среднедушевого дохода. Так, к примеру, по имеющимся прогнозам, население Африки вырастет более чем на 1,4 млрд человек (т. е. прирост составит 57 %), и к 2055 г. на Африканском континенте сложится доминирование поколения молодых. В свою очередь, наблюдаем рост населения и в Узбекистане. Ожидаем прирост к 2055 г. на 49 млн человек. Тем самым предполагаем, что высокая удельная доля молодежи среди лиц, обладающих гражданством Узбекистана, не только сохранится, но и усилится [41]. Сложившаяся демографическая тенденция и в частных проявлениях и в общем свидетельствует о наличии и развитии «молодежного бугра» (увеличение доли молодежи в общем народонаселении).

Органы государственного управления стран, в которых доля молодых людей существенно превышает среднемировой уровень, в целях поддержания социально-политической стабильности заинтересованы в разработке и реализации эффективной молодежной политики, направленной на комплексное удовлетворение потребностей молодежи при ее соответствующем развитии и вовлечении в протекание политических процессов. Понимаем молодежную политику как системное государственное воздействие, ориентированное на обеспечение, поддержание и развитие граждан страны в возрасте от 14 до 25 лет и направленное на реализацию ключевой цели — поддержание устойчивости социальной системы. В этой связи стабильность действующего политического устройства органично связана с изучением роли и механизмов реализации молодежной политики, что и предопределило актуальность настоящего исследования.

Теоретико-методологические рамки настоящей работы задаются теорией ювенологии и представлениями нового (нео-)институционализма, согласно которым стратегии реализации молодежной политики влияют на поведение общества, с одной стороны, создавая возможности для действия индивидуумов в рамках сложившихся законодательных норм и неформальных правил поведения, а с другой — наказывая за несоблюдение сложившихся институциональных ограничений [31, с. 5].

Методические основания работы находятся в применении дисперсионного (ANOVA), корреляционного и других методов статистического анализа. Для изучения воздействия успешности реализации молодежной политики на социально-политическую стабильность в зависимости от типов политических режимов применяется однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA)¹. Для проверки валидности данных и для выявле-

ния наличия связи между переменными используется корреляционный анализ (критерии Спирмена и Пирсона).

Обзор литературы и постановка проблемы

Целый ряд политологических исследований направлен на доказательство существования связей между политической стабильностью и макроэкономическими показателями. В части рассмотрения влияния экономики на стабильность политической системы анализу подвергаются такие показатели как, например, уровень ВВП, инвестиционный климат, рост инфляции и т. д. [8; 10; 13; 22; 26; 34; 35]. С политической точки зрения анализируется количество политических партий, открытость выборов, количество зарегистрированных нарушений при проведении избирательных кампаний и др. Демографические показатели, вовлекаемые в соответствующий анализ, затрагивают аномалии в половозрастной структуре населения, смещения в показателях рождаемости и смертности [38]; и, наконец, принимаются во внимание показатели, связанные с практикой правового применения действующего законодательства, выраженные, в частности, в уровне коррумпированности государственных структур [9].

Выделяем в отдельный ряд работы, которые отмечают, что гипертрофированный экономический рост нарушает политическую стабильность и поступательное развитие общества [25; 32]. В специальной литературе выделяются следующие основные дестабилизирующие политическую систему причины со стороны экономического роста, а именно:

- препятствие образованию социального капитала в необходимом объеме [4; 5];
- возникновение препоп социального, политического и межличностного доверия [12; 27; 40];
- влияние на стабильность институциональной структуры во всех ее проявлениях (экономической, социальной и политической).

В данном исследовании рассмотрим роль молодежной политики в части ее воздействия на стабилизацию/дестабилизацию политического устройства. Молодежь как фактор стабильности политического режима изучается в социальной науке, на наш взгляд, сравнительно непродолжительный промежуток времени.

Согласно большому количеству исследований стабильности политических систем, в мире во время «арабской весны» произошло большое количество разнообразных потрясений, и движущей силой этих потрясений стала молодежь [например, 2], получившая высшее образование и одновременно с этим выказывающая неоправданно высокие ожидания в части своей дальнейшей социализации. При этом доминирование молодых людей в демографической структуре общества (количество молодежи от 14 до 25 лет в регионе превышало 30 %) стало одним из ключевых факторов политической нестабильности [43].

¹ Однофакторный дисперсионный анализ выявляет влияние фактора на зависимую переменную, а также проверяет гипотезу о наличии статистического различия между средними значениями в нескольких группах наблюдения.

Другие исследователи показывают, что молодежь сыграла значительную роль во многих революционных и протестных событиях в историческом прошлом, что повлияло на культурное и политическое развитие стран [например, 6].

Другими словами, политическая активность молодежи играет важную роль в трансформации политической и социальной системы государства. Социально-политическая активность проявляется как посредством участия на выборах, так и посредством общественных выступлений (демонстрации, митинги, протесты, манифестации и пр.). Массовые шествия молодых бывают как конструктивными, так и деструктивными по отношению к существующему политическому режиму.

Говоря о событиях, прошедших на Ближнем Востоке в недавнее время, ученые отмечают, что эффект «молодежных бугров» стал существенным фактором массовых политических выступлений во всем регионе [6]. К идентичным выводам приходит исследователь Д. ЛаГраффе, который утверждает, что появление «молодежного бугра» в Египте стало одной из причин начала арабской весны [28].

Анализируя факторы роста социально-политической нестабильности в Иранском Курдистане, А. С. Ходунов также отмечает, что одним из них в 1980-х гг. был «молодежный бугор» (доля молодежи в данный период оценивалась около 33,1 % от общей численности населения по результатам переписи 1976 г.), сопровождавшийся экономическими трудностями в регионе [7].

Выше выдвинутый тезис подтверждает Р. Брунгард, который, исследуя всплеск политического насилия в Шри-Ланке в 1971 г., делает вывод, что одним из факторов политической нестабильности в стране выступил рост доли молодежи в возрастной структуре населения. При этом в среднем высокий уровень образованности молодых людей сопровождался их высокой безработицей [11]. М. Хоффман и А. Джамал отмечают, что безработица среди молодежи является одной из первопричин недовольства по отношению к устройству сложившейся политической системы [24].

Отметим еще один фактор — урбанизацию, которая совместно с «молодежным бугром» оказывает существенное влияние на стабильность политической системы. Так, в частности: «в города из деревни обычно мигрирует прежде всего именно молодежь. Таким образом, фактор „молодежного бугра” и фактор интенсификации урбанизационных процессов действуют совместно, производя в совокупности особенно мощное дестабилизирующее воздействие. Численность молодой, наиболее радикально настроенной части городского населения растет особенно быстро. При этом активно настроенная молодежь оказывается сконцентрированной в наиболее крупных городах / политических центрах, что может привести к дестабилизации» [3, с. 154].

Вместе с этим, как отмечает ряд авторов, «разрыв в ряду поколений» также является одним из объяснений молодежных протестов [29, с. 75].

Отсюда следует, что не только увеличение доли молодежи в возрастном составе населения влияет на социально-политическую стабильность, но и другие факторы, среди которых перечислим ключевые, а именно: бедность, характеризующуюся низкими финансовыми возможностями социального воспроизводства; высокие бюрократические препоны со стороны органов государственной исполнительной власти [16]; склонность к новым неортодоксальным религиозным представлениям; недовольство старыми формами социального управления; низкая ответственность по отношению к семье и карьерному росту. Указанные факторы способствуют достаточно легкой мобилизации молодежи к участию в социальных и политических конфликтах [18].

Неоправданные ожидания соответствующих возрастных групп закономерно способствуют их объединению в общественные движения [23, с. 20], а общественные движения, в свою очередь, получают подпитку через социальные сети [14, с. 1—2; 15, с. 14]. При этом взаимоотношения в социальных сетях концентрируются на взаимном доверии [39, с. 4].

Многие исследователи протестной активности в 2011 г. в арабском мире (в частности, страны Северной Африки и Ближнего Востока: Тунис, Египет, Ливия, Сирия и др.) считают, что причиной революционных действий молодых были неоправданные ожидания, недовольство существующей системой власти, которая, используя коррупцию, опиралась на насилие со стороны авторитарного правительства. Насилие и бесконтрольность деятельности политических представителей вкупе с коррумпированностью способствовали объединению и сосредоточению граждан против власти тирана [44].

Накопленный опыт исследований показывает, что суверенные правительства обладают достаточной осведомленностью о политической угрозе, которая возникает в демографической плоскости в части влияния эффекта «молодежного бугра». В этой связи государство для сохранения социально-политической стабильности способно применить репрессивные механизмы подчинения. Исследования Р. Нордаса и К. Давенпорта [30], рассматривающие статистические закономерности взаимосвязей между всплесками молодежной протестной активности и мероприятиями государств, направленными на достижение социальной стабильности в период 1976—2000 гг., подтверждают ранее выдвинутый тезис. То есть государство применяет определенные механизмы (в том числе репрессивные) для сдерживания молодых, чем сохраняет стабильность. При этом в исследовании молодежного движения Кубы со стороны REND Corp. установлено, что отношения между государством и молодежью ухудшаются в тот момент, когда молодежь сталкивается с усилением аскетизма, ограниченными возможностями в восходящем социальном продвижении и нереализованными личными материальными, духовными, культурными устремлениями. В от-

вет все больше молодых людей сознательно отвергает официальные догмы и нормы поведения, предписанные официальной институциональной структурой [22]. Вместе с этим маргинализация молодежи связана, в том числе с исключением из участия в экономических преобразованиях [36].

Таким образом, рост доли молодого населения в стране не единственный фактор дестабилизации. Основными факторами мобилизации молодежи и снижения уровня стабильности являются следующие:

- «молодежный бугор»;
- рост образования, сопровождающийся высоким уровнем безработицы среди соискателей, не имеющих трудового (достаточного трудового) стажа для заполнения желаемой вакансии;
- бедность, ограничивающая протекание процессов социального воспроизводства;
- урбанизация, миграция молодежи в города, увеличение количества молодых людей в структуре городского населения;
- пониженная степень социальной мотивированности в части отношений «семья — карьера»;
- снижение доверия к исполнению функциональных компонентов политических институтов;
- высокая степень коррумпированности и др.

В свою очередь, в странах, в которых наблюдаем высокую долю молодежи, правительства должны реализовывать конструктивную молодежную политику для поддержания стабильности, которая всецело способна удовлетворять потребностям и желаниям молодых людей. Молодежная политика — это системное и стратегическое обеспечение, поддержание и развитие молодого поколения со стороны государства.

Для понимания сущности молодежной политики в аналитический дискурс вовлечено использование Индекса развития молодежи (YDI), предложенный в аналитических отчетах 2013, 2016 гг. [17 ; 45]. Данный индекс в определенных пределах способен оценить молодежную политику различных стран исходя из оценки развития молодого поколения по пяти ключевым направлениям: образование, здравоохранение, благосостояние, занятость, гражданское и политическое участие. Генеральную совокупность составили данные 153 стран.

Для оценки стабильности функционирования социально-политической системы используем показатели проекта Polity IV [36]. Применим сформированные аналитические данные для разделения государств по типам действующих политических режимов.

Для проведения типологической группировки применим подход Вельцеля. В частности, для разделения типов общественной организации по степени демократичности Вельцель измерил и сопоставил определенные показатели, позволяющие установить, в какой степени общество гарантирует права на личную автономию, не ущемляя прав индивидуума в политическом участии [1, с. 268]. Установлено, что дихотомия данных прав определяет, насколько режим управления

демократичен (электоральная демократия, либеральная демократия) [33]. Вместе с этим определенное количество публикаций, характеризующих «нелиберальные демократии» и электоральный авторитаризм, говорит о том, что если какой-либо набор из базовых прав человека подвергается не достаточной институционализации, то возникает какая-либо версия «гибридного режима», которая в полной мере не является ни демократической ни автократической [33].

Исходя из доводов Вельцеля, который рассматривает права на автономию как индикатор личной свободы, а права на участие в политической жизни — как индикатор политической «включенности», демократия в любом из существенных смыслов этого слова означает только то, что вся совокупность прав в достаточной степени гарантирована, сочетая высокую степень личной свободы и политической включенности. Дефицит любой из указанных характеристик проявляется как сбой в демократическом устройстве (в его совершенном понимании), и вместо демократии появляется какая-то неполная, гибридная ее форма. К подобным неполным формам демократического устройства относим инклюзивную демократию, когда права на участие в достаточной степени гарантированы, а права на автономию нет. Другая гибридная форма — нелиберальная демократия, при которой права на автономию в достаточной мере гарантированы, а права на участие в реализации политического процесса нет. При отсутствии личных и политических прав формируется автократия, поскольку при подобной форме политического устройства отрицается большая часть прав как на личную автономию, так и на участие в политической жизни общества [1, с. 269].

В исследовании используем модель Вельцеля [1]. Сгруппируем страны по предложенной типологии, а именно:

- чистая демократия — от 10 до 7 (где соблюдается большая часть прав человека);
- гибридная демократия (частичная демократия):
 - нелиберальная демократия — от 6 до 0 (предоставляет право на автономию, но отрицает право на участие);
 - инклюзивная демократия — от -1 до -6 (отрицает право на автономию, но предоставляет право на участие);
- автократия — от -7 до -10.

Выдвижение гипотезы и проведение эксперимента

Сформирована база данных, оценивающая Индекс развития молодежи (YDI). Данные были получены в двух отчетах за 2013 и 2016 гг. В отчете за 2013 г. приводятся показатели на 2010 г., а отчет за 2016 г. обрабатывается статистический массив 2015 г.

Уровень стабильности в государстве, как показывают исследования, зависит от многих факторов, один из них — активность молодежи, или,

как говорят исследователи, «молодежный бугор». Однако не очень большое количество исследователей изучают причину социально-политической активизации молодежи. Мы полагаем, что всплеск молодежной активности связан с государственной политикой в части интенсивности и всесторонней поддержки в развитии способностей подрастающего поколения. При правильном стратегическом подходе государство способно удовлетворить потребности молодежи и, как следствие, обеспечить стабильность в государстве.

Полагаем, что стабильность политических режимов зависит от молодежной политики государства. В связи с этим мы провели корреляционный анализ между двумя переменными: Индексом развития молодежи (Индекс реализации молодежной политики, YDI) и Индексом нестабильности.

Проведенное исследование показывает, что при интенсификации молодежной политики уровень дестабилизации социально-политического устройства снижается.

Однако для анализа влияния молодежной политики на стабильность политического режима государства были сгруппированы по типам политической организации исходя из индексации Polity IV [36]. Так, в первую модель «чистые демократии» вошли 82 государства (от 10 до 7); в гибридные демократии вошли 52 страны, в частности, во вторую модель «нелиберальные демократии» — 31 государство (от 6 до 0), в «инклюзивные демократии» — 21 государство (от -1 до -6), в четвертую модель «автократии» — 20 государств (от -7 до -10).

Первая группа: чистые демократии. Согласно проведенному анализу, в 2013 г. среднее значение Индекса развития молодежи в государствах данной группы составляло 0,6, а значение среднего уровня стабильности — 1 112. В 2016 г. максимальный уровень Индекса развития молодежи повысился до 0,86, при этом также повысился уровень нестабильности. В рассматриваемой модели, в топ-10 стран с наиболее высоким уровнем молодежной политики за 2013 г. вошли Австралия, Канада, Южная Корея, Германия, Нидерланды, Новая Зеландия, Швейцария, США, Япония, Словения с показателями от 0,86 до 0,79. При этом уровень нестабильности был отмечен высоким в США и равнялся 7,562.

В 2016 г. показатели изменились. В частности, в лучшую десятку стран по уровню развития молодежной политики вошли: Германия, Дания, Австралия, Швейцария, Великобритания, Нидерланды, Австрия, Португалия, Япония и Новая Зеландия. При этом относительно высокий уровень политической нестабильности в США сохранился.

Вместе с этим государства, находящиеся на Африканском континенте, такие как Гана, Гвинея, Кения, Сьерре Леоне, Тунис, Лесото, Либерия и Бенин, показали низкий уровень развития молодежной политики (от 0,42 до 0,60) за 2013 г., с высоким уровнем нестабильности 6,250 в Туни-

се. Однако перечисленные страны по Индексу Polity IV относятся к первой группе в силу развитости политических институтов.

Вторая группа: нелиберальные демократии. В 2013 г. в нелиберальных демократиях среднее значение Индекса молодежной политики равнялось 0,4, а уровень нестабильности показал среднее значение 4 881,2.

В 2016 г. среднее значение показателя реализации молодежной политики был равен 0,5. При изменении уровня развития молодежной политики изменился уровень нестабильности. К примеру, в Ираке 2013 г. уровень развития молодежи равнялся 0,3, а уровень нестабильности — 85 625, в 2016 г. уровень Индекса реализации молодежной политики увеличился и составил 0,4, при этом уровень Индекса нестабильности повысился почти в полтора раза (123 688).

Третья группа: инклюзивная демократия. В данную группу вошло 21 государство, в 2013 г. среднее значение показателя молодежной политики равнялось 0,4, а в 2016 г. — 0,5. При этом в странах, входящих в данную группу, на рассматриваемом временном интервале уровень нестабильности повысился почти в три раза (от 5 003,0 до 14 645,7). Одной из причин подобной динамики, выступили социально-политические изменения в Египте, где уровень индекса реализации молодежной политики снизился с 0,64 до 0,53, в то время как уровень индекса нестабильности повысился с 29 250 до 57 938.

Четвертая группа: автократия. Четвертая группа объединяет 20 государств. Для них среднее значение индекса реализации молодежной политики равнялось в 2013 г. 0,54, а в 2016 г. — 0,59. При этом уровень нестабильности изменился почти в два раза с 3 918,9 до 6 778,1.

Исходя из вышеизложенного предполагаем, что уровень молодежной политики и, как следствие, стабильность социально-политического устройства зависят от типа политического устройства. Вместе с этим влияние молодежной политики на стабильность нелинейно, т. е. в чистых демократиях при повышении уровня развития молодежи уровень стабильности повышается, в нелиберальных демократиях при повышении уровня развития молодежи, напротив, повышается уровень нестабильности, в инклюзивных же демократиях при снижении уровня развития молодежи нестабильность повышается. В автократиях даже незначительные изменения способны повлиять на стабильность политического устройства.

Выдвинем исследовательскую гипотезу:

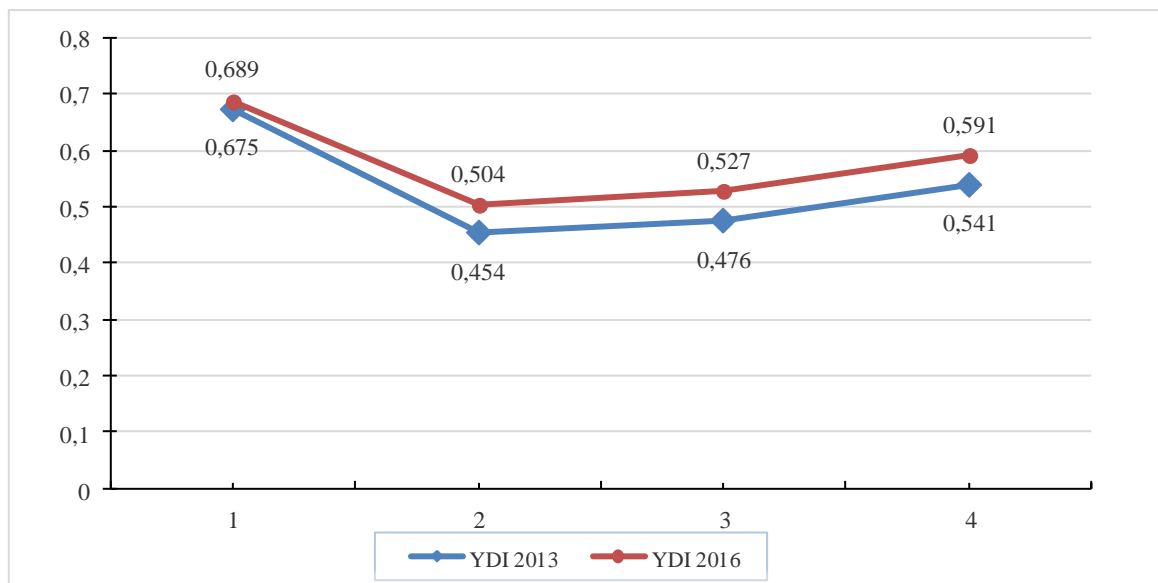
H0. Уровень реализации молодежной политики не зависит от типа политического режима.

H1. Уровень реализации молодежной политики зависит от типа политического режима.

Сравнение средних значений молодежной политики в типологической группировке показал, что уровень молодежной политики ниже во второй и в третьей группе (таблица). При этом отмечаем, что с 2013 по 2016 г. уровень развития молодежной политики в целом повысился (рисунок).

Сравнение молодежной политики в четырех типах политической организации

Типы	Youth Policy 2013	Youth Policy 2016
1	0,675	0,689
2	0,454	0,504
3	0,476	0,527
4	0,541	0,591

Уровень молодежной политики в четырех типах политической организации

Вместе с этим отмечаем значительные различия показателя оценки уровня реализации молодежной политики при различных политических режимах. В частности, низкая степень развития молодежной политики прослеживается в нелиберальных и инклюзивных демократиях при значимых различиях между ними. В автократиях уровень молодежной политики значительно выше, чем при гибридном политическом устройстве, но значительно ниже, чем в чистых демократиях.

Заключение

На сегодняшний день население мира увеличивается, и основную когорту составляют именно молодые люди. В этой связи они являются, как позитивным ресурсом, так и негативным аспектом в развитии государства. Как отмечает Г. Урдал, склонность молодежи к террористической и протестной активности связано с тем, что государство не способно удовлетворить потребность молодежи, и они оказываются склонными к насилию из-за низких альтернативных издержек [42, с. 609].

Список литературы

1. Вельцель К. Рождение свободы. М. : ВЦИОМ, 2017. 404 с.
2. Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Лухманова З. Т. Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011—2015 гг.: количественный анализ // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 150.
3. Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели / А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин, Ю. В. Божевольнов, Ю. В. Зинькина, С. Ю. Малков // Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы / Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г., Малков С. Ю. (ред.). М., Красанд/URSS, 2011. С. 138—164.

4. Лухманова З. Т. Роль социального капитала в стабилизации автократических режимов // Развитие территории. 2019. № 2 (16).
5. Патнем Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. А. Захарова. М. : Наука, 1993. (1996).
6. Социально-демографический анализ Арабской весны. Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / А. В. Коротаев, А. С. Ходунов, А. Н. Бурова, С. Ю. Малков, Д. А. Халтурина, Ю. В. Зинькина ; отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. С. 28—76.
7. Ходунов А. С. Иран: политико-демографическое развитие как фактор стабильности и потрясений // Азия и Африка сегодня. 2014. № 7. С. 29—30.
8. Aisen A., Viega F. J. How does political instability affect economic growth? // Journal of Money, Credit and Banking. 2006. № 38. P. 1379—1389.
9. Aurore G. Political instability and the interventions of IMF and the World Bank in non-democratic regimes // Centre d'Economie de la Sorbonne, University Paris 1 Pantheon Sorbonne. Paris, France. 2012.
10. Barro R. Economic growth in a cross section of countries // The Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106, № 2. P. 407—443.
11. Braungart R. G. Historical generations and youth movements: A theoretical perspective // Research in Social Movements, Conflict and Change. JAI Press, Greenwich, CT. 1984. Vol. 6.
12. Building and destroying social capital: The case of cooperative movements in Denmark and Poland / J. Chloupkova, G. Lind, H. Svendsen, T. G. Svendsen // Agriculture and Human Values 2003. № 20. P. 241—252.
13. Campos N. F., Nugent J. B. Who is Afraid of Political Instability? // Publications: Kresge Library webpage. 2000. URL: <http://www.wdi.bus.umich.edu>. (дата обращения: 10.02.2021).
14. Diani M. Cities in the World: Local Civil Society and Global Issues in Britain // Chap. 3 in Transnational Protest and Global Activism, edited by D. della Porta and S. Tarrow. Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2004.
15. Diani M. McAdam D. Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action // Oxford ; New York : Oxford University, 2003.
16. Fearon J. D., Laitin D. D. Ethnicity, insurgency, and civil war // American political science review. 2003. Vol. 97, № 1. P. 75—90.
17. Global Youth Development Index and Report 2016 URL: <https://thecommonwealth.org/> (дата обращения: 10.02.2021).
18. Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. 2002. № 56/1. P. 3—22.
19. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, CA : University of California Press. 1991.
20. Goldstone J. The New Population Bomb // Foreign Affairs. 2010. № 89. P. 31—43.
21. Gonzalez E., McCarthy K. F. Cuba After Castro. Cuba's Disaffected Youth // RAND Corporation. 2004. P. 34. <https://www.jstor.org/stable/10.7249/mg11Irc.10> (дата обращения: 10.02.2021).
22. Gupta D. The economics of political violence: The Effects of Political Instability on Economic Growth. New York : Prager, 1990.
23. Gurr T. R. Why Men Rebel // Princeton University Press. 1970.
24. Hoffman M., Jamal A. The Youth and the Arab Spring: Cohort Differences and Similarities // Brill. 2011.
25. Huntington S. Political order in changing societies. New Haven, CT : Yale University, 1968.
26. Jong-A-Pin R. Essays on political instability: Measurement, causes and consequence // Enschede: Print Partners Ipskamp B. V. Enschede: The Netherlands. 2008.
27. Juan A., Pierskalla J. H. Civil war violence and political trust: Microlevel evidence from Nepal // Conflict Management and Peace Science. 2016. Vol. 33(1). P. 67—88.
28. LaGraffe D. The youth bulge in Egypt: An intersection of demographics, security, and the Arab Spring // Journal of Strategic Security. 2012. Т. 5, № 2. P. 9.
29. Mead M. Culture and Commitment. A Study of Generation Gap. London: The Boudly Head, 1970.
30. Nordas R., Davenport Chr. Youth Bulges and State Repression // American Journal of Political Science. 2013. Vol. 57, № 4. P. 926—940.
31. Olsen J. P., March J. G. Elaborating the New Institutionalism // The Oxford hand book Political Institution. Oxford University Press, 2005. P. 3—23.
32. Olson M. Rapid Growth as a Destabilizing Force // The Journal of Economic History. Vol. 23, № 4. P. 529—552.
33. Ottaway M. Democracy Challenged. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. 2003.
34. Perrotti R. «Growth, income distribution, and democracy: What the data say» // Journal of Economic Growth. 1996. Vol. 1, P. 149—187.
35. Political instability and economic growth / A. Alesina, S. O'zler, N. Roubini, Ph. Swagel // Cambridge Journal of economic growth. 1996. [1992] Vol. 1, № 2. P. 189—211.
36. Polity IV. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (дата обращения: 10.02.2021).
37. Schwendinger H., Schwendinger J. R. Marginal Youth and Social Policy // Social Problems. 1976. Vol. 24, № 2. P. 184—191.
38. The global model for forecasting political instability / J. A. Goldstone, R. H. Bates, D. L. Epstein, T. R. Gurr, M. B. Lustick, M. G. Marshal, J. Ulfelder, M. A. Woodward // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54, № 1. P. 190—208.
39. Tilly Ch. Identities, Boundaries and Social Ties. Boulder and London: Paradigm Publishers. 2005.
40. Trejo G. Religious Competition and Ethnic Mobilization in Latin America: Why the Catholic Church Promotes Indigenous Movements in Mexico // The American Political Science Review. 2009. Vol. 103, № 3. P. 323—342.
41. UN Population. URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf URL: [https://population.un.org/wpp2019/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_PO_P_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx](https://population.un.org/wpp2019/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_PO_P_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx) (дата обращения: 10.02.2021).

42. Urdal H. A clash of generations? Youth bulges and political violence // *International studies quarterly*. 2006. № 3. P. 607—629.
43. USAID Convenes Conference for Arab Youth Development//USAID. 2011. URL: <http://www.usaid.gov/press/releases/2011/pr111114.html> (дата обращения: 10.02.2021).
44. Wedeen, L. Ambiguities of domination: Politics, rhetoric and symbols in contemporary Syria. Chicago: University of Chicago Press, 2015. P. 7—8.
45. Youth Development Index Results Report September, 2013. URL: <https://thecommonwealth.org/> (дата обращения: 10.02.2021).

Bibliography

1. Vel'tsel' K. Rozhdenie svobody, Moscow, VTsIOM, 2017, 404 p.
2. Korotaev A.V., Shishkina A.R., Likhmanova Z.T. Volna global'noi sotsial'no-politicheskoi destabilizatsii 2011—2015 gg.: kolichestvennyi analiz. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, no 6, pp. 150.
3. Korotaev A.V., Grinin L.E., Bozhevol'nov Yu.V., Zin'kina Yu.V., Malkov S.Yu. Lovushka na vykhode iz lovushki. Logicheskie i matematicheskie modeli. *Proekty i riski budushchego. Kontseptsii, modeli, instrumenty, prognozy* / ed. Akaev A.A., Korotaev A.V., Malinetskii G.G., Malkov S.Yu. Moscow, Krasand/URSS, 2011, pp. 138—164.
4. Likhmanova Z.T. Rol' sotsial'nogo kapitala v stabilizatsii avtokraticeskikh rezhimov. *Razvitie territorii*, 2019, no 2 (16).
5. Patnem R. Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoi Italii / per. s angl. A. Zakharova, Moscow, Nauka, 1993. (1996). (in Russ.)
6. Korotaev A.V., Khodunov A.S., Burova A.N., Malkov S.Yu., Khalturina D.A., Zin'kina Yu.V. Sotsial'no-demograficheskii analiz Arabskoi vesny. Arabskaya vesna 2011 goda. Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov / ed. A.V. Korotaev, Yu.V. Zin'kina, A.S. Khodunov, Moscow, LIBROKOM, 2012, pp. 28—76.
7. Khodunov A.S. Iran: politiko-demograficheskoe razvitie kak faktor stabil'nosti i potryaseni. *Aziya i Afrika segodnya*, 2014, no 7, pp. 29—30.
8. Aisen A., Viega F.J. How does political instability affect economic growth? *Journal of Money, Credit and Banking*, 2006, no 38, pp. 1379—1389.
9. Aurore G. Political instability and the interventions of IMF and the World Bank in non-democratic regimes. *Centre d'Economie de la Sorbonne, University Paris 1 Pantheon Sorbonne*, Paris, France, 2012.
10. Barro R. Economic growth in a cross section of countries. *The Quarterly Journal of Economics*, 1991, vol. 106, no 2, pp. 407—443.
11. Braungart R.G. Historical generations and youth movements: A theoretical perspective. *Research in Social Movements, Conflict and Change*. JAI Press, Greenwich, CT, 1984, vol. 6.
12. Chloupkova J., Lind G., Svendsen H., Svendsen T.G. Building and destroying social capital: The case of cooperative movements in Denmark and Poland. *Agriculture and Human Values*, 2003, no 20, pp. 241—252.
13. Campos N.F., Nugent J.B. Who is Afraid of Political Instability? *Publications: Kresge Library webpage*, 2000. URL: <http://www.wdi.bus.umich.edu> (accessed 10.02.2021).
14. Diani M. Cities in the World: Local Civil Society and Global Issues in Britain. *Chap. 3 in Transnational Protest and Global Activism, edited by D. della Porta and S. Tarrow*. Lanham, MD : Rowman and Littlefield, 2004.
15. Diani M., McAdam D. Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action, Oxford, New York, Oxford University, 2003.
16. Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, insurgency, and civil war // *American political science review*. 2003. vol. 97, no 1, pp. 75—90.
17. Global Youth Development Index and Report 2016. URL: <https://thecommonwealth.org/> (accessed 10.02.2021).
18. Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs*, 2002, no 56/1, pp. 3—22.
19. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World, Berkeley, CA, University of California Press, 1991.
20. Goldstone J. The New Population Bomb. *Foreign Affairs*, 2010, no 89, pp. 31—43.
21. Gonzalez E., McCarthy K.F. Cuba After Castro. Cuba's Disaffected Youth. *RAND Corporation*, 2004, pp. 34. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7249/mg11Irc.10> (accessed 10.02.2021).
22. Gupta D. The economics of political violence: The Effects of Political Instability on Economic Growth, New York, Prager, 1990.
23. Gurr T.R. Why Men Rebel. *Princeton University Press*. 1970.
24. Hoffman M., Jamal A. The Youth and the Arab Spring: Cohort Differences and Similarities. *Brill*, 2011.
25. Huntington S. Political order in changing societies. New Haven, CT : Yale University, 1968.
26. Jong-A-Pin R. Essays on political instability: Measurement, causes and consequence. *Enschede: Print Partners Ipskamp B. V. Enschede: The Netherlands*, 2008.
27. Juan A., Pierskalla J.H. Civil war violence and political trust: Microlevel evidence from Nepal. *Conflict Management and Peace Science*, 2016, vol. 33(1), pp. 67—88.
28. LaGraffe D. The youth bulge in Egypt: An intersection of demographics, security, and the Arab Spring. *Journal of Strategic Security*, 2012, vol. 5, no 2, pp. 9.
29. Mead M. Culture and Commitment. A Study of Generation Gap, London, The Boudly Head, 1970.
30. Nordas R., Davenport Chr. Youth Bulges and State Repression. *American Journal of Political Science*, 2013, vol. 57, no 4, pp. 926—940.
31. Olsen J.P., March J.G. Elaborating the New Institutionalism. *The Oxford hand book Political Institution*, Oxford University Press, 2005, pp. 3—23.
32. Olson M. Rapid Growth as a Destabilizing Force. *The Journal of Economic History*. vol. 23, no 4, pp. 529—552.
33. Ottaway M. Democracy Challenged. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace, 2003.

34. Perrotti R. Growth, income distribution, and democracy: What the data say. *Journal of Economic Growth*, 1996, vol. 1, pp. 149—187.
35. Alesina A., O'zler S., Roubini N., Swagel Ph. Political instability and economic growth. *Cambridge Journal of economic growth*, 1996. [1992], vol. 1, no 2, pp. 189—211.
36. Polity IV. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (accessed 10.02.2021).
37. Schwendinger H., Schwendinger J.R. Marginal Youth and Social Policy. *Social Problems*, 1976, vol. 24, no 2, pp. 184—191.
38. Goldstone J.A., Bates R.H., Epstein D.L., Gurr T.R., Lustick M.B., Marshal M.G., Ulfelder J., Woodward M.A. The global model for forecasting political instability. *American Journal of Political Science*, 2010, vol. 54, no 1, pp. 190—208.
39. Tilly Ch. Identities, Boundaries and Social Ties. Boulder and London, Paradigm Publishers, 2005.
40. Trejo G. Religious Competition and Ethnic Mobilization in Latin America: Why the Catholic Church Promotes Indigenous Movements in Mexico. *The American Political Science Review*, 2009, vol. 103, no 3, pp. 323—342.
41. UN Population. URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf URL: [https://population.un.org/wpp2019/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_POP_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx](https://population.un.org/wpp2019/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_POP_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx) (accessed 10.02.2021).
42. Urdal H. A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International studies quarterly*, 2006, no 3, pp. 607—629.
43. USAID Convenes Conference for Arab Youth Development//USAID. 2011. URL: <http://www.usaid.gov/press/releases/2011/pr111114.html> (accessed 10.02.2021).
44. Wedeen, L. Ambiguities of domination: Politics, rhetoric and symbols in contemporary Syria, Chicago, University of Chicago Press, 2015, pp. 7—8.
45. Youth Development Index Results Report September, 2013. URL: <https://thecommonwealth.org/> (accessed 10.02.2021).

ЛУХМАНОВА Зарина Талибовна — соискатель ученой степени доктора Ph.D, Институт изучения проблем молодежи и подготовки перспективных кадров при Агентстве по делам молодежи Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан. E-mail: ztlukhmanova@gmail.com

Zarina T. LUKHMANOVA — PhD candidate, Institute for Research of the Youth Problems and Training Prospective Personnel under the Agency for Youth Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan. E-mail: ztlukhmanova@gmail.com